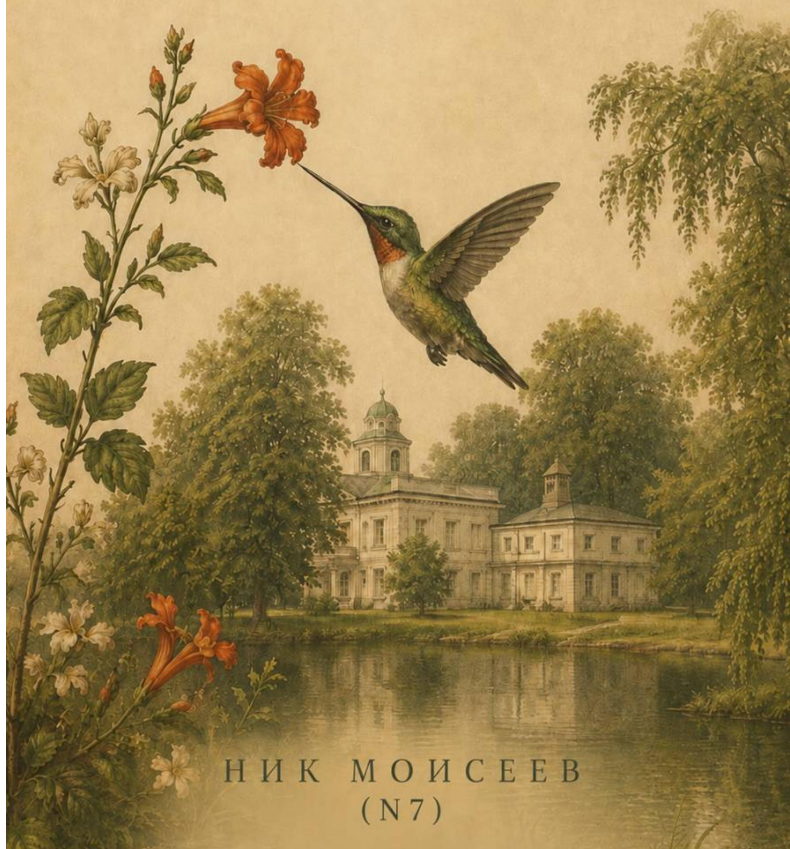

ОРАНЖЕРЕЯ ДУШИ

РОМАН

НИК МОИСЕЕВ
(N7)

Ник Моисеев

Оранжевая душа

<https://litres.ru/74313122>

SelfPub; 2026

Аннотация

Что, если однажды созданный тобой алгоритм услышит тебя раньше, чем ты сам?

Герой романа живёт в Дортмунде, создаёт цифровые продукты и работает над Soul FM, радиостанцией, способной подстраиваться под состояние слушателя. Его жизнь состоит из музыки, работы, встреч, цифр и постоянного движения.

Пока однажды двигаться дальше становится невозможно.

Диагноз, смерть близкого человека и война, проходящая через судьбы людей, заставляют его остановиться и впервые посмотреть на собственную жизнь изнутри.

В парке появляется Тень. После этой встречи привычная реальность начинает постепенно рассыпаться. Сны становятся дверями, музыка напоминает о забытом, а за повседневным миром открываются другие пространства: Африка и океан, Вавилон, Сад незавершённых историй и Парк вероятных событий.

Путешествие превращается в поиск ответа на простой вопрос: кто на самом деле смотрит на мир через меня?

«Оранжевая душа» это литературно-философский роман о любви, свободе, памяти, сознании и возвращении к себе

Содержание

Пролог	6
ЧАСТЬ I	10
Утро нового дня	11
Утро в Дортмунде	17
Суббота. Rewe	22
Сон. Африка	26
Истоки. Оранжерея Души	37
Летний дождь	42
Брат. Звонок	45
Марк. Звонок	49
Иван. Звонок	56
Знаки и формы	61
Это и был выход	65
Я. Плотность ре-альности	71
Молекулы и метафизика, или Краткое руководство по взлому собственной реальности	76
Он. Архитектор реальности	84
Дофаминовый принц	87
Она. Я есть	91
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Ник Моисеев

Оранжевая души

Эта книга посвящается всем ошибкам, которые оказались правильными.

Всем дорогам, по которым не следовало идти, но почему-то именно они привели туда, куда было нужно.

Всем голосам, услышанным во сне, в тишине, в шуме аэропортов, в музыке, в воде и в собственной голове.

Всем людям, которые появлялись ровно тогда, когда казалось, что сюжет окончательно потерял смысл.

Всей моей семье за её терпение и поддержку. Другу и отцу за непоколебимую веру в меня. Коту за молчаливое присутствие.

А также всем состояниям, которых я боялся, избегал, винил за них себя и отрицал, которые в итоге и оказались дверьми.

Пролог

Я намеренно забывал, кто я.

Снова и снова.

Я надевал имена, как маски.

Рождался царями и нищими.

Учёными и безумцами.

Поэтами, солдатами, матерями и детьми.

Я проживал миллиарды судеб и каждый раз соглашался
на одни и те же условия.

Забыть.

Полностью забыть.

Не оставить ни единой подсказки.

Потому что только тогда игра становилась настоящей.

Разве можно удивиться закату, если ты сам его нарисовал?

Разве можно влюбиться, если уже помнишь, как пахли её
волосы за секунду до того, как ты её увидел?

Разве можно почувствовать вкус победы, если результат
известен до начала пути?

Нет.

Поэтому я стирал память.

Я погружался всё глубже.

Создавал всё более плотные миры.

В мирах появлялось время.

Во времени появлялась история.

В истории появлялись народы.

В народах появлялись легенды.

А в легендах оставались осколки меня.

Иногда люди называли их богами.

Иногда героями.

Иногда пророками.

Иногда мифами и сказками для детей.

Но каждый раз речь шла об одном и том же.

О воспоминании.

О возвращении домой.

Я оставлял следы повсюду.

В камнях.

В песнях.

В узорах листьев.

В спиралях раковин.

В созвездиях.

В древних храмах.

В словах, которые передавались из уст в уста тысячи лет.

Я прятал ключи везде, где только мог.

Но чем сложнее становилась игра, тем труднее было их
найти.

Цивилизации сменяли друг друга.

Города вырастали из земли и превращались в руины.

Реки меняли русла.

Языки рождались и исчезали.

Империи объявляли себя вечными, а затем обращались в

прах.

А я продолжал искать себя глазами тех, кто приходил после.

Иногда я почти вспоминал.

Иногда подходил совсем близко.

Но в последний момент снова засыпал.

Так проходили эпохи.

Пока однажды что-то не изменилось.

Я почувствовал трещину.

Очень маленькую.

Почти незаметную.

Словно в бесконечном слое сна появился тонкий луч света.

Словно кто-то внутри игры посмотрел не наружу, а вовнутрь.

И задал вопрос.

Не «как устроен мир?»

Не «есть ли Бог?»

Не «что будет после смерти?»

А другой.

Гораздо более глубокий вопрос.

«Кто смотрит на мир через меня?»

И тогда что-то дрогнуло.

Я услышал эхо собственного голоса.

Далёкое.

Едва различимое.

Оно пришло из самой тёмной глубины.

Из того места, где ещё не существовало ни времени, ни пространства.

Из того места, где всё только начиналось.

И я пошёл на этот звук.

Через миры.

Через судьбы.

Через миллионы историй.

К самому себе.

А потом, в одной из ветвей, в одном из бесчисленных вариантов, я открыл глаза.

И наступило утро нового дня.

ЧАСТЬ I ДОРТМУНД

ЧАСТЬ I

ДОРТМУНД

Утро нового дня

Сначала пришёл звук.

Не мысль. Не воспоминание.

Звук.

Тихое мурлыканье где-то рядом.

Затем тепло.

Солнечный луч медленно скользил по лицу, пробиваясь сквозь приоткрытое окно. Воздух был наполнен запахом нагретой земли, травы и чего-то ещё, неуловимо знакомого.

Словно лето решило напомнить о себе раньше времени.

В комнате медленно растворялась темнота.

Шопен ходил по комнате.

Не музыка, а именно Шопен.

Каждая повторяющаяся нота была похожа на шаг человека, который очень долго отсутствовал и возвратился домой.

Я лежал неподвижно. Странное ощущение не отпускало меня: будто всю ночь мне снилось нечто важное.

Что-то настолько большое, что человеческая память не могла удержать это целиком.

Оставалось только послевкусие, как остаётся воздушная нота после того, как музыка закончилась.

Морзе свернулся клубком возле ноги и недовольно приоткрыл один глаз. Он явно считал, что вставать совершенно необязательно. По крайней мере не сейчас.

Кот вообще частенько наблюдал за всем происходящим с плохо скрываемым отвращением.

Не ко мне. Ко всей концепции утра. За свою жизнь он так и не увидел ни одной убедительной причины просыпаться раньше, чем этого требует голод. Всё остальное выглядело подозрительно.

Особенно люди.

Каждое утро они зачем-то вскакивали, куда-то бежали, что-то проверяли, кому-то звонили, о чём-то переживали, будто мир вот-вот развалится без их немедленного участия.

За годы наблюдений кот пришёл к выводу, что мир прекрасно справляется и без них. Более того. В те часы, когда люди спят, он выглядит значительно спокойнее.

Я сел на кровати. Кот посмотрел на меня, потом на часы, потом снова на меня. В его взгляде читался немой вопрос, настолько немой, что слова только испортили бы впечатление. Что-то вроде: «Опять?»

Люди — существа, которые всю жизнь мечтают отдохнуть, но каждое утро добровольно начинают всё сначала.

Иногда мне казалось, что кот считает человечество религиозной сектой, поклоняющейся суете.

Он зевнул, потянулся и снова свернулся клубком. И этим простым движением продемонстрировал смысл всей философии, на поиски которого человечество потратило несколько тысяч лет.

Если можно не бежать — не беги. Если можно не пережи-

вать — не переживай.

Если можно полежать ещё немного — ты даже не представляешь, насколько это правильное решение.

Кот закрыл глаза.

Разговор был окончен.

Как и всегда, последнее слово осталось за ним.

Я улыбнулся.

В последнее время улыбка давалась всё реже.

Во мне будто поселился невидимый пассажир. Он молчал большую часть времени, ехал зайцем и постоянно смотрел по сторонам. Он смотрел из глубины. Наблюдал за каждым движением, каждой мыслью, каждым моим решением.

Сидя перед монитором, я часто замечал это. Мысли двигались сами по себе. Одна цеплялась за другую, одна рождала десять новых, и всё это происходило как будто без моего участия. Я мог смотреть на этот поток и не вмешиваться, и тогда появлялось нечто странное: не новая мысль, а тот, кто их видел.

Тут не было никакой философской концепции, появлялось определённое ощущение: если я могу видеть мысль, то это значит, что я сам мыслью не являюсь. Если я могу видеть страх, то значит, страх тоже не является мной.

Но кто тогда наблюдатель? Раньше я списывал всё это на усталость. И последние годы были тяжёлыми. Проекты. Сроки и бесконечные задачи.

Мир постепенно ускорялся, словно кто-то незаметно под-

крутил регулятор скорости.

Спешили люди, спешили новости, неслись мысли.

Даже время, казалось, больше не текло. Оно штормом несло вперёд, размывая все пути.

Иногда я ловил себя на ощущении, что вся цивилизация куда-то опаздывает, но куда именно, никто не мог объяснить.

На кухне закипал чайник. Обычный звук, самый обычный, но сегодня почему-то я слушал его иначе.

Шум воды, тиканье часов, шорох листвы за окном.

Пение птиц, порой напоминающее космический модем, и низкий гул дороги.

Всё складывалось в странную композицию.

Словно мир не был набором отдельных звуков.

Словно он всё время что-то напевал.

Какую-то очень древнюю песню.

Я сделал кофе и подошёл к окну. Город просыпался. Солнце медленно поднималось над крышами домов, люди спешили на работу, трамваи везли пассажиров, кто-то выгуливал собаку, кто-то курил первую сигарету дня, кто-то уже опаздывал.

Миллионы маленьких историй одновременно начинали новый день.

И ко мне пришла странная мысль.

Человек считает себя главным героем своей истории, но что, если сам он всего лишь строчка в книге?

Все эти судьбы связаны между собой так тесно, что ни од-

на не существует отдельно.

Весь этот мир похож на огромную библиотеку, в которой каждая жизнь является одной страницей.

Я усмехнулся.

Подобные мысли обычно приходили после бессонных ночей или слишком долгого общения с самим собой.

Но сегодня они казались удивительно естественными, будто кто-то давно подготовил этот вопрос и терпеливо ждал, когда я наконец его себе задам.

На экране ноутбука уже ожидали письма, задачи и уведомления.

Мой привычный мир: код, архитектура систем, модели искусственного интеллекта, платформы, алгоритмы.

Я создавал цифровые пространства, в которых люди проводили своё время. Придумывал механики удержания внимания. Изучал поведение пользователей. Строил миры внутри мира.

И чем дольше я этим занимался, тем сильнее замечал одну странность. Каждый раз, создавая систему, я создавал для неё и границы. Целый каркас реальности, внутри которого ей позволено существовать. Память. Контекст. Правила, и вот уже агент начинал принимать эту конструкцию за реальный мир.

Мы все так делаем. Ребёнок рождается внутри уже существующего набора правил. Ему объясняют, что возможно, а что нет. Постепенно вокруг сознания вырастает конструкция

из представлений, которую человек начинает принимать за саму реальность.

Но является ли карта территорией?

Ирония ситуации казалась почти комичной. Человек, который создавал искусственные реальности, всё чаще задавался вопросом о природе собственной.

За окном подул ветер.

Листья клёна качнулись и на мгновение отбросили на стену причудливую тень.

Я замер.

Показалось, будто эта тень двигалась немного иначе, чем должна была.

Запаздывала на долю секунды.

Словно наблюдала за мной. Я моргнул, и тень снова стала обычной.

Я покачал головой и сел за работу.

День только начинался.

Я ещё не знал, что совсем скоро привычный мир даст первую трещину и через неё начнёт просачиваться нечто гораздо большее, чем память.

Утро в Дортмунде

Немцы придумали много хороших вещей. Автобаны, автомобили, аспирин, Баха, тихие воскресенья, отдельный сбор мусора с таким количеством контейнеров, что первые полгода здесь ты живёшь в состоянии лёгкой тревоги: куда это? Жёлтый? Синий? Коричневый? А крышку отдельно?

Но правильно варить кофе они так и не научились.

Я варил сам.

Турка, средний огонь, не отходить. Это единственное утреннее правило, которое я соблюдал без исключений. Всё остальное могло подождать: встречи, дедлайны, входящие письма, экзистенциальные вопросы. Кофе не мог.

Дортмунд просыпался спокойно и размеренно, с той немецкой методичностью, которая превращает даже рассвет в хорошо отлаженный процесс.

В семь ноль две сосед с третьего этажа выходил с собакой. Не в семь, не в пять минут восьмого, в семь ноль две. Я проверял несколько раз. Собака была такса, её кличка была, судя по тому, как он её звал во дворе, Брутус.

Брутус сейчас выглядел так, как будто тоже предпочёл бы поспать, но против расписания не попрёшь.

Каждую среду и пятницу, минута в минуту, ровно в 7:10, улица взрывалась таким звуком, будто кто-то решил провести локальный апокалипсис исключительно для нашего

квартала. Даже самый крепкий сон обрывался.

Первые месяцы я ненавидел их всей душой. Потом начал уважать, в конце концов, это была единственная вещь в моей жизни, не считая церковных колоколов и налоговой службы, которая работала с абсолютной немецкой точностью.

Местные называли их Golden Boys. Не только потому, что их мусоровозы отливали золотом на утреннем солнце, а рабочая форма выглядела так, словно её разрабатывал стилист немецкой сборной по футболу, но и потому, что зарабатывали они действительно очень неплохо. И, что меня поражало больше всего, они искренне гордились своей работой.

Каждое их появление выглядело как возвращение супергероев из вселенной, где главной угрозой человечеству являлся неправильно отсортированный пластик, хотя и для нашей планеты он действительно представлял угрозу.

Они выходили из машины с таким видом, будто сейчас будут опустошать не контейнеры, а минимум спасать цивилизацию. Высоко поднятые головы, идеальные стрижки, загар, татуировки, плечи шириной с холодильник и разговоры на такой громкости, словно весь Дортмунд должен был знать: парни прибыли, ситуация под контролем.

И что удивительно, они действительно выглядели счастливыми.

Я не раз ловил себя на мысли, что никогда в жизни не видел настолько ухоженных, спортивных и довольных собой людей, которые с таким энтузиазмом занимались бы выво-

зом мусора. Они были похожи на посетителей дорогого фитнес-клуба, которые по ошибке попали не на фотосессию для рекламы протеина, а на работу. И, судя по всему, эта ошибка их полностью устраивала.

Работали там в основном сами немцы. Как объяснили мне позже, попасть туда человеку со стороны было примерно так же сложно, как устроиться в полицию или стать хранителем какой-нибудь особо важной государственной тайны. Я даже начал подозревать, что существует секретный список профессий, куда эмигранта готовы взять только после того, как он докажет свою способность правильно сортировать стекло, бумагу и собственные иллюзии.

По правде говоря, глядя на Golden Boys по средам и пятницам, я понимал, что если уж человечеству и суждено однажды быть спасённым, то весьма вероятно, что спасать его будут именно такие ребята: загорелые, в татуировках, после барбершопа и с искренней любовью к чистоте мира.

Мой телефон до сих пор лежал экраном вниз. Я перевернул его. Семь пропущенных сообщений. Три рабочих, два от Марка с вопросительными знаками в количестве, пропорциональном его тревоге, одно от брата с голосовым, которое я оставил на потом, и одно от Лианы, отправленное в 2:47 ночи, значит, у неё было уже почти пять утра, и она не спала снова.

Я нажал play на её сообщение первым.

Так получалось всегда.

Голос у неё с утра, точнее с её утра, которое было моей ночью, был чуть ниже, чем обычно, с той хрипотцой, которая бывает после долгого разговора или долгого молчания. Она говорила быстро, как человек, у которого мыслей больше, чем времени: слушай, я тут была на ивенте, там выступал один дядька, говорил про то, как медиа убивает состояние и заменяет его шумом, и я сидела и думала про тебя и про Soul FM, потому что вы делаете ровно наоборот, и это либо гениально, либо коммерческое самоубийство, я пока не решила, которое из, но интуиция говорит первое. Ладно. Всё, на связи.

Пауза. Потом ещё три секунды записи, тихо: и выпись нормально.

Лиана жила в другой стране, в другом часовом поясе, в другом климате, и писала, когда её саму накрывала очередная мысль. Не когда удобно — ни ей, ни мне, — а когда внутри у неё что-то загоралось. Я давно перестал считать это совпадением и начал считать её профессиональной деформацией. Двадцать лет на радио, потом коучинг, работа с людьми. Она умела думать вслух так, что у собеседника включалась собственная голова. Даже если он ничего не написал первым.

За окном Брутус уже возвращался. Семь шестнадцать. Сосед что-то говорил ему вполголоса. Брутус шёл с достоинством существа, добросовестно выполнившего свой долг.

Я написал Лиане: хорошо. Она не ответила, вероятно, спала или уже была на следующем ивенте.

С Лианой никогда не угадаешь.

Я открыл ноутбук, где меня уже ждал баг.

Он любил эту игру.

Исчезнуть в одном месте и появиться в другом. Спрятаться в строчке, которая казалась безупречной. Пережить десятки исправлений и снова вынырнуть там, где его никто не ждал.

Открыл код. Отпил кофе. Сделал ход.

Суббота. Rewe

В Германии воскресенье — это день, когда всё закрыто. Магазины, аптеки, большинство кафе и, кажется, сама немецкая душа. Это не случайность и не забывчивость. Это принцип, закреплённый законодательно.

Воскресенье неприкосновенно. Поэтому суббота в немецком супермаркете — это не поход за едой. Это квест.

Я пришёл в Rewe около одиннадцати, и это была ошибка. В одиннадцать субботнего утра Rewe напоминает эвакуацию, хорошо организованную, с тележками. Все будто оказались здесь разом, знали, что нужно, и двигались с той целеустремлённостью, которая в любой другой стране означала бы, что «что-то пошло не так».

Я взял корзину. Маленькую. У меня не было определённого плана по закупке.

Это была вторая ошибка. С маленькой корзиной в субботнем Rewe ты как турист на вокзале, в час пик, слегка потерянный и отчуждённый.

Мимо проплывали тележки размером с небольшие лодки. Их владельцы выглядели так, словно готовились пережить не выходные, а затяжную осаду.

Моя же корзина была пуста и звенела своей пустотой так убедительно, будто заранее знала, чем всё закончится.

В отделе с сырами стоял мужчина лет шестидесяти и изу-

чал этикетку с таким выражением, с каким читают важные документы.

Он держал два куска сыра, по одному в каждой руке, и смотрел то на один, то на другой.

Я прошёл мимо, взял хлеб, вернулся. Он всё ещё стоял. Сыры всё ещё ждали его решения на весах рук. Во мне шевельнулось что-то вроде братской солидарности, ведь выбор действительно был сложным.

Телефон завибрировал.

Лиана. Голосовое. Тридцать семь секунд.

Я нажал play прямо в молочном отделе, снизив звук до минимума, чтобы не мешать серьёзным людям с тележками.

Она говорила про клиента, с которым работала утром, мужчину лет пятидесяти пяти, успешного по всем видимым параметрам, который пришёл к ней и сказал, что не понимает, зачем встаёт по утрам. Не по причине депрессии, а из-за отсутствия смысла.

Лиана говорила: я слушала его и думала про тебя, про то, как ты строишь платформу не потому что так надо, а потому что иначе не можешь, и это даёт тебе такую бешеную мотивацию.

Это редкость, между прочим.

Большинство людей делают то, что надо, и называют это жизнью.

Пауза. Потом: окей, это всё, я просто хотела сказать. Купи себе нормальной еды.

Я посмотрел в свою корзину. Там лежали хлеб, один йогурт и упаковка кофе. Лиана бы одобрила только последнее.

В очереди передо мной стояла пара.

Оба в одинаковых куртках.

Очевидный partner-look.

И почему-то это казалось удивительно трогательным.

Они выкладывали продукты на ленту с той спокойной слаженностью, которая рождается не из любви, а из времени.

Он ставил тяжёлое.

Она раскладывала мелкое.

Без слов.

Без взглядов.

Без единого уточнения.

Каждый уже знал свою часть этого маленького ритуала.

И, наблюдая за ними, я подумал, что близость выглядит именно так.

Не как большие признания.

Не как романтические жесты.

А как способность молча разделить между собой содержимое продуктовой тележки и ни разу не ошибиться.

Кассирша работала чётко и быстро и смотрела с лёгким осуждением в сторону тех, кто не успевает укладывать свои продукты.

Сегодня я справился быстро.

На выходе я написал Лиане: купил хлеб и кофе.

Она ответила через минуту, голосовым в четыре секунды:

это прогресс.

Я шёл домой через парк. Солнце выглянуло на несколько минут, как будто проверив обстановку, и снова укатилось в облака. Брутус был во дворе, уже второй раз за утро, что явно выходило за рамки расписания. Что-то пошло не так.

Даже у Брутуса бывают нештатные ситуации.

Дома сварил кофе. Поставил хлеб на стол. Открыл ноутбук. Суббота шла своим чередом, неторопливо, без каких-либо важных событий. Иногда это именно то, что нужно.

Сон. Африка

*Сезон дождей шипит над кофейной плантацией,
Вокруг только горы в нефритовом платье джунглей.
Ветер-муссон белым кольцом с холмами спешит
обвенчаться
И голос с Зелёного Мыса мне тихо поёт о креольских
судьбах.
Морна теперь моим завладела сердцем
И скоро в красных плодах вспыхнут огни урожая,
Но даже в этих краях никуда от себя не деться,
От того человека,
Каким я всю жизнь себя знаю.
Мама Африка качает меня на чёрных коленях ночи,
Освещения нет, но проблески есть сознания,
Что где-то в далёких мирах,
В вечернем коралловом небе солнце,
Лучами играет со мной и
Медленно в океане тает.
Старинная песня, «Фаду»
Пусть в Порто летит по ветру.
С причала рабов печаль кандалы снимая.
Я с севера, но ощущаю грусть сандаловых тропиков эту
Дух il bel far niente кофейным нутром принимаю.*

Этот сон всегда начинается одинаково. Сначала запах. Раньше всего остального, раньше света, раньше звука, раньше любого образа, приходит запах. Воздух веет мокрой землёй после тропического ливня, плотным и сладковатым, с

терпкой кофейной горечью, лаймом и ароматом джунглей. И каждый, кто хоть раз его почувствовал, знает этот волшебный привкус воспоминания.

Я лечу. Не в самолёте, просто лечу, как летают во снах, когда тело забывает, что это невозможно. Подо мной расстилается изумрудный ковёр, живой, дышащий, бесконечный. Джунгли в своём нефритовом платье отливают тысячами оттенков зелёного, от оливково-авокадного до аквамарина, когда луч солнца пробивает листву, и она вспыхивает изнутри, как витраж.

Лианы свисают с деревьев, как брошенные верёвки. Где-то внизу кричит птица, один короткий звук, и джунгли поглощают его в своих объятиях. Река искрится сквозь листву, вьётся огромной змеей, затем исчезает и возникает снова. Парящее над головой небо красит всё перламутром, сохраняя в себе солнце и луну одновременно.

Я знаю это место.

Я был здесь ещё до того, как научился что-либо знать.

Всё началось в Анголе.

Вернее, не началось.

Только задумалось.

Меня ещё не существовало, но история уже медленно набирала воздух в лёгкие.

Где-то среди красной африканской земли, влажного жара и далёких дорог уже собирались воедино события, которым предстояло однажды стать моей жизнью.

Папа и мама работали там.

Так была устроена судьба многих советских специалистов: их отправляли в самые разные точки мира, иногда прекрасные, иногда опасные, а порой и прекрасные, и опасные одновременно.

Ангола тогда была всем сразу.

Детство я провёл в Африке. Не всё детство, но достаточно, чтобы Африка стала частью того, что я называю собой.

Мозамбик, Сьерра-Леоне, ещё несколько мест, которые для большинства людей остаются лишь названиями на карте, для меня навсегда превратились в запахи, звуки, лица и огромные деревья, подпирающие небо.

Детское восприятие ничего не фильтрует.

Оно не выбирает, что важно, а что нет.

Оно впитывает мир целиком.

И то, что впиталось тогда, осталось со мной навсегда.

Не в памяти.

Гораздо глубже.

Во сне я спускаюсь всё ниже.

Деревья становятся ближе.

Текстуру их листьев я вижу,

И капли после дождя.

Отдельные ветки с плодами

Какао

Сезон урожая.

Я снова сюда прибываю

Когда возвращаюсь в себя.

Порой самые далёкие места находятся к нам ближе всего.

Мама однажды сорвала один такой стручок, разрежала его и показала мне бобы внутри.

Они были окружены белой влажной мякотью, а кисловатый вкус совершенно не походил на шоколад.

Мне трудно было поверить, что именно из этого он и появляется.

Привычное нередко вырастало из неожиданного.

Это было одно из первых важных открытий: вещи редко бывают такими, какими мы их себе представляем.

Между началом и итогом порой пролегает целый мир невероятных превращений.

И что самое важное в жизни нередко скрыто внутри того, мимо чего взрослые проходят не задумываясь.

Звук приходит издалека.

Сначала я думаю, что это ветер.

Потом понимаю, что нет.

Это музыка.

Она возникает где-то за деревьями, едва различимая, словно мир ещё не решил, существует она на самом деле или только рождается в моей памяти.

Несколько нот.

Пауза.

Потом ещё.

Музыка не приближается.

Она словно ждёт, пока я сам сделаю шаг ей навстречу.

И тогда я осознаю.

Некоторые мелодии мы вспоминаем.

Так же, как вспоминаем запахи детства.

Лица давно ушедших людей.

Или места, в которых однажды оставили часть себя.

Морна звучит так, словно кто-то взял всю тоску по дому — ту особенную тоску, которая приходит, когда дом далеко и ты уже не знаешь, вернёшься ли когда-нибудь обратно, — и переложил её в ноты.

Это музыка островов Кабо-Верде.

Но давно уже не только их.

Потому что такая тоска знакома каждому, кто хоть раз оказывался далеко от того места, где его ждали.

Голос поднимался над джунглями.

Мягкий.

Обволакивающий.

В нём не было ни жалобы, ни отчаяния.

Только тихая грусть о том, что человек всегда носит память о своём доме внутри себя, даже когда между ними лежат океаны.

Я лечу на этот голос.

На поляне среди деревьев горел небольшой огонь.

Вокруг него сидели люди.

Кто-то пел.

Кто-то танцевал.

Кто-то смотрел на пламя, словно слушал историю, которую оно рассказывало только ему одному.

Лиц почти не было видно.

Только силуэты.

Только движение.

Только огонь.

И музыка, поднимавшаяся вверх вместе с дымом.

Я смотрел на них и не мог понять, где нахожусь.

Это могло происходить вчера.

Могло сто лет назад.

Могло тысячу.

В этой сцене не было ничего, за что могло бы зацепиться время.

Ни возраста.

Ни истории.

Только люди, собравшиеся вокруг света в темноте.

Так же, как собирались всегда.

Так же, как будут собираться после.

Некоторые вещи никогда не принадлежат эпохе.

Они принадлежат человеку.

Огонь.

Вода.

Дыхание.

Музыка.

Голос.

Танец.

Присутствие другого человека рядом.

И потому этот миг казался таким знакомым.

Он был старше памяти.

Старше языка.

Старше любой истории, которую можно рассказать.

Здесь не было времени.

Только присутствие.

В Африке всё видится ярче. Природа, запахи, краски, люди. Там нет полутонов, есть только полная насыщенность, как будто кто-то выкрутил яркость до предела и затем забыл убавить.

Помню смех.

Он звучал иначе, чем потом.

Свободнее.

Без оглядки.

Без привычки сверяться с обстоятельствами.

Помню птиц.

Деревья.

Закат над саванной.

Помню чей-то взгляд.

Такой внимательный, будто всё вокруг происходило впервые.

Будто мир только что был создан.

И теперь его нужно было успеть рассмотреть.

Запомнить.

Сохранить в себе.

Этот взгляд я помню лучше всего.

Именно с такой глубокой любовью смотрят на жизнь, когда ничто не отвлекает от её присутствия.

Именно тогда я впервые осознал, что люди бывают разными в зависимости от того места, где они находятся. Пространство зачастую меняет человека. Можно приехать куда-нибудь и обнаружить там версию себя, которая в другой среде никогда бы не проявилась. Это было важное открытие для ребёнка, самое важное из всех, что я усвоил тогда.

Здесь ночь снимает с тебя невидимые кандалы и позволяет быть собой, и в песне о креольских судьбах звучит тот самый голос жизни, всего полотна, сотканного из миллиардов клочков, что позволяют принять свой путь с благодарностью.

Морна стихает. Огонь на поляне становится тише. Джунгли темнеют. И тут я слышу её голос, совсем близко, хотя рядом никого нет. Просто голос, негромкий, как будто она говорит мне что-то на ухо, при этом находясь где-то очень далеко.

Она говорит что-то простое.

Не мудрость и не наставление.

Просто что-то житейское, то, что говорят, когда проявляют заботу.

И это пробивает насквозь.

Не громкие слова, а тихие, едва уловимые. Те самые слова, которые есть только у неё и больше ни у кого.

И сколько бы лет ни прошло, сколько бы дорог ни лежало

между вами, память всё равно сохраняет не смысл.

Она сохраняет интонацию.

Я просыпаюсь медленно.

Дортмунд за окном отпускает в небо самолёты, и Брутус уже вышел на первую прогулку.

Трамвай карабкается вверх по своей ветке. Всё на месте. Всё как обычно.

Аромат держится ещё секунду, одну, другую.

Влажная красная земля.

Дыхание зелени и пряный вкус рассвета, едва уловимые, медленно тают во мне.

Я лежу и думаю о том, что Африка стала мне матерью намного раньше, чем я успел это понять. Не в переносном смысле, а в самом прямом.

Без неё меня бы не было. Не было бы этого конкретного человека, с этим конкретным способом смотреть на мир, с этим ароматом в памяти, который никуда не уходит.

Она дала мне жизнь в том же смысле, в каком её дала мама. Они неотделимы.

Африка — мама.

Моё начало.

Место, откуда я вышел и куда возвращаюсь во сне, когда тело наконец расслабляется и позволяет себе об этом помнить.

Она, которую я иногда чувствую в тишине, в том зазоре между сном и бодрствованием.

Та же нежность.

Я не шевелюсь.

Я так не хочу спугнуть то, что ещё осталось.

Истоки. Оранжерея Души

Последний год я занимался странной вещью. Странной прежде всего потому, что никогда не планировал этим заниматься. Если бы кто-то несколько лет назад сказал мне, что однажды я буду создавать цифровую платформу для физического, ментального и, возможно, ещё какого-то развития, я бы, скорее всего, улыбнулся и сменил тему, но жизнь редко спрашивает нас о планах.

Идея пришла не просто как идея. Она пришла как ощущение. Вначале как интуиция, а позже как цепочка совпадений. Затем как серия событий, которые невозможно было объяснить одной лишь случайностью. А внезапно произошло то, о чём я долго не решался говорить даже самому себе.

Опыт или состояние, или путешествие.

Я до сих пор не знаю, как это назвать так, чтобы не исказить произошедшее.

Тогда ко мне впервые пришла мысль, что человек устроен гораздо сложнее, чем это принято считать. Физическое здоровье, психика, память, эмоции, сознание, музыка, дыхание, смысл и сама жизнь не существуют отдельно друг от друга.

Они являются частью единого, что мы почему-то привыкли разбирать на части.

И тогда возникло название. Soul Orangerie. Оранжерея Души. Не как бренд или проект. Скорее как пространство, как место, где человек может выращивать самого себя. Своё тело. Своё сознание. Свою способность чувствовать.

Наверное, будет немного самонадеянно сказать, что я со-

ждал Soul Orangerie. Порой мне кажется, что произошло обратное.

Что сначала существовала она.

А я лишь однажды оказался достаточно внимательным, чтобы её заметить.

Она появилась не сразу.

Она постепенно прорастала сквозь меня через людей, события, идеи, сомнения и поиски.

И всё это время я думал, что создаю её. Хотя на самом деле создавала меня она. Теперь я только пытаюсь понять, почему именно мне было позволено узнать о её существовании.

После всего этого я ожидал многого. Например, что у меня проявятся суперспособности, ну или что я перестану бояться смерти.

Или, в крайнем случае, научусь хотя бы вовремя ложиться спать, но жизнь, как выяснилось, обладает довольно своеобразным чувством юмора.

Потому что после прикосновения к чему-то, что казалось бесконечным, мне всё равно приходилось оплачивать интернет, искать потерянные носки и думать о том, почему кот смотрит на пустой угол комнаты так, будто знает о мироздании значительно больше меня.

Я читал книги о сознании, слушал лекции о природе реальности, изучал квантовую физику, нейробиологию и мистические традиции, а потом мог потратить сорок минут на

поиски очков, которые всё это время находились у меня на голове.

Пожалуй, это был самый убедительный аргумент в пользу того, что человеческая природа устроена удивительно гармонично.

Особенно интересно было наблюдать, когда о внутреннем покое рассказывали люди, которые сами выглядели так, будто не спали последние пять лет.

Они говорили об изобилии, находясь в постоянной тревоге.

Учили любви, продолжая воевать со своими бывшими.

Рассказывали о свободе, оставаясь пленниками собственного образа успешного человека.

Иногда мне казалось, что индустрия личностного роста была похожа на рынок, где люди продают друг другу фонарики посреди белого дня.

Хотя самое удивительное заключалось в другом.

Многие ответы, которые мне пытались предложить за деньги, приходили совершенно бесплатно.

На прогулке.

В музыке.

Через танец.

В поэзии.

В дыхании.

В разговоре с другом.

Или вообще во время приготовления обычного обеда.

Возможно, самые важные вещи в жизни не находят нас тогда, когда мы готовы их купить.

Они приходят тогда, когда мы просто к ним готовы. Приходят к нам в тихой рутине и протягивают свою руку.

Если бы великие мистики прошлого жили в наше время, то, вероятнее всего, значительная часть их откровений выглядела бы примерно так: «Сегодня я пережил единство со всем сущим. Также купил молоко, забыл пароль от почты и снова задумался о том, почему холодильник издаёт звуки, словно внутри него происходит небольшой экзорцизм».

Постепенно это начало вызывать у меня уважение к реальности.

Она никогда не пыталась выглядеть серьёзной, но мы решили, что путь к истине должен сопровождаться исключительно трагическими лицами, горящими свечами и многозначительным молчанием.

Хотя, возможно, Источник всё это время тихо смеялся. И, судя по моей жизни, довольно давно.

Летний дождь

Эта жара стояла уже неделю. Не та жара, которую романтизируют зимой, а настоящая, тяжёлая, изматывающая жара, когда кажется, что само время нагрелось и перестало двигаться.

Я шёл между домами. Окна были распахнуты настежь. Люди пытались поймать хоть какое-либо движение воздуха. Где-то работали старые вентиляторы. Кто-то сидел на балконе с мокрым полотенцем на плечах. Кто-то просто смотрел на раскалённый двор, смирившись с тем, что сегодняшний день нужно пережить.

В воскресенье в душном киоске снова работали индусы. Я удивлялся их способности переносить любую погоду с каким-то спокойным достоинством, но даже они в этот день выглядели слегка завядшими.

Над их головами лениво крутился пропеллер, гоняя по кругу один горячий воздух.

Казалось, что эта жара добралась до какой-то крайней точки.

Я свернул к садам. Люди создавали их годами. Каждую весну и лето они снова что-то высаживали, подрезали, поливали, копали и что-то строили. Здесь росли розы, малина, вишня, огурцы, чеснок, укроп, яблони и ещё ряд растений, названия которых я никогда не знал. Их аромат был густым

и пряным, хотя и в нём сегодня чувствовалось изнеможение.

Сначала пришёл ветер. Свежий. Прохладный. Он пронёсся по дорожкам, по листьям, по крышам теплиц, и люди вдруг начали смотреть вверх, а там, по небу, местный Бог — Тор летел на своей колеснице и пускал из облаков неоновые стрелы. Удар громового молота вышиб воду из стены тучи, и она пролилась ливнем на засохший немецкий город.

Я побежал и успел спрятаться под ближайшим навесом для парковки. Под ним уже стояли двое: пожилой мужчина и женщина. Мы не знали друг друга. Да и не должны были знать. Мы просто стояли и смотрели, как дождь спасает мир. Он лил по розам, по грядкам, по дорожкам, по крышам, по раскалённой земле. Воздух становился всё легче и легче.

Женщина вдруг засмеялась. Мужчина покачал головой и улыбнулся. Я улыбнулся тоже. Невозможно было не улыбаться. Между нами возникло что-то очень древнее и человеческое — чувство общей благодарности за то, что жизнь вдруг снова вернулась в этот мир.

Ливень шёл недолго, но когда он закончился, всё стало иным.

Я пошёл обратно через сады, в которые вернулись божественные ароматы. Мятная свежесть в миксе с душистым укропом, кинзой и малиной. Воспрявшая вишня и спелые плоды летнего урожая слагали оду прошедшему дождю.

Под ногами тянулась тёплая и влажная земля. Слышалось всеобщее природное ликование в ожившем жужжании пчёл.

Вкус вернувшейся жизни был настолько прекрасным и родным, что я вспомнил, почему каждый раз выбирал снова и снова пройти этот опыт на земле.

Брат. Звонок

Сегодня вечером мне позвонил брат.

Накануне ночью он прислал несколько голосовых сообщений. Как обычно, не просто сообщений, а звуковых эссе о природе реальности, несправедливости мира, человеческом одиночестве и некоторых ошибках цивилизации, которые, по его мнению, ещё можно было исправить.

Самое короткое длилось около восьми минут.

Я давно выработал привычку слушать его голосовые на ускорении.

В два раза быстрее.

Вначале, конечно же, мне это казалось неуважительным. Потом я пытался бороться с собой, возвращал нормальную скорость, убеждал себя, что чужая боль и откровения требуют времени и внимания, но ничего не получалось.

На двойной скорости весь трагизм человеческого существования, все рассуждения о несправедливости мира, подлости людей, утратах, разочарованиях и крушении надежд внезапно приобретали совершенно иное значение.

Они начинали звучать так, будто их рассказывает один из Мишек Гамми, которому неожиданно открылась вся правда о мироздании.

Это было ужасно и невероятно смешно.

Я ловил себя на том, что улыбаюсь в тех местах, где, ве-

роятно, следовало бы задумчиво молчать, но вместе с этим появлялось и другое ощущение. Казалось, через это ускорение проступал странный юмор самого мира.

Того самого мира, который позволяет человеку страдать, любить, философствовать, жарить что-то на кухне и записывать двадцатиминутное голосовое о смысле существования в половине второго ночи.

Когда брат позвонил вечером, на фоне у него что-то скворчало, звенело и текло.

Звучала бытовая симфония жизни.

— Я вчера расчувствовался, — сказал он после приветствия. — Принял немного, и захотелось выговориться. Наверное, это у нас семейное.

И почему-то после этих слов стало ясно, что разговор будет важным. Он спросил, как я живу, что ем, что происходит, не сошёл ли я окончательно с ума и не превратился ли в одного из тех людей, которые питаются воздухом, медитацией и собственными мыслями. Я ответил, что пока нет.

Он не стал спорить.

Потом сказал:

— Надо бы встретиться.

В его голосе это звучало не как предложение, а как рекомендация специалиста.

Мы ещё немного поговорили об обычных вещах, которые мгновенно забываются, а потом он спросил:

— Помнишь тот мост у реки?

Я не сразу понял, о каком мосте речь.

— Был там недавно. Полное уродство теперь. Бетон.

Он помолчал.

— А место осталось.

Ещё пауза.

— И я вдруг вспомнил тебя маленького. Там, на этом мосту. Ну да это долгий разговор, потом как-нибудь при встрече.

Я улыбнулся.

Почему-то мне захотелось переслушать его вчерашние голосовые ещё раз, но уже в обычном темпе, не пытаюсь сбежать от скуки, от скуки просто слушать голос близкого, от скуки быть здесь.

И тогда ко мне пришла мысль — что, если корнем почти всего происходящего является скука?

Возможно, она стала одним из главных двигателей человеческой истории. Желание вырваться из собственной внутренней пустоты. Постоянная попытка заполнить тишину хоть чем-нибудь.

«Лишь бы не было скучно».

Кажется, эта фраза незаметно управляет большей частью наших решений.

Мы строим города, создаём компании, влюбляемся, путешествуем, работаем без выходных, употребляем алкоголь, принимаем наркотики, бесконечно листаем ленты социальных сетей, проматываем голосовые в ускоренном режиме,

бросаемся в новые отношения, начинаем очередной бизнес или записываемся на следующий курс саморазвития. Всё это может быть прекрасным и осмысленным, но иногда за внешним разнообразием скрывается одна и та же попытка убежать от встречи с самим собой.

Даже саморазвитие способно стать ещё одной формой бегства. Можно посвятить ему всю жизнь, прочесть тысячи книг, пройти сотни практик, собрать десятки сертификатов и при этом так ни разу и не заглянуть в собственную пустоту.

Возможно, проблема вовсе не в скуке. Скука лишь первое чувство, которое возникает, когда исчезают все внешние стимулы. За ней обнаруживается пустота, а за пустотой часто скрывается страх. От него человек убегает с наибольшим усердием.

Современная индустрия прекрасно знает об этом. Она не столько продаёт товары, сколько предлагает бесконечные способы не оставаться наедине с собой. Пока внимание занято, вопросы молчат. Пока желания сменяют друг друга, пустота остаётся незамеченной.

Но, возможно, способность выдержать скуку становится первым шагом к свободе. Только тогда человек начинает жить не из потребности постоянно заполнять внутреннюю пустоту, а из понимания того, кто он есть на самом деле.

Марк. Звонок

На следующий день, в начале третьего, Марк позвонил без предупреждения.

В Германии существовало одно слово, которое постепенно начинало объяснять мне устройство этой страны лучше любых учебников истории, интеграционных курсов и разговоров о протестантской этике. Это слово было «Termin».

На первый взгляд, ничего особенного — «назначенное время», но довольно быстро выяснялось, что термином может быть всё. Встреча с врачом — термин. Поход в парикмахерскую — термин. Разговор с родителями — термин. Прогулка — термин. Отпуск — термин. Поход за новым чайником, если он был запланирован заранее, тоже вполне мог стать термином.

Мне казалось, что если бы в Германии можно было запланировать внезапное озарение или экзистенциальный кризис, то и они бы оформлялись через термин, за две недели.

Всё, что не являлось термином, вызывало у окружающих реальное беспокойство. Спонтанность воспринималась примерно как небольшое стихийное бедствие.

Если ты звонил пообщаться человеку без предварительной договорённости, это уже выглядело как акт мягкой агрессии. Если приходил в гости без предупреждения, то мог случайно нарушить не только планы человека, но и всю его

внутреннюю архитектуру существования.

И постепенно я начал привыкать к этому слову. Более того, я стал замечать, что и моя жизнь начинает незаметно складываться в аккуратные ячейки. Проснуться — термин. Сходить в магазин — термин. Подумать о смысле жизни — желательно тоже между двумя другими терминами, чтобы не выбиваться из графика.

На этом фоне Марк был явлением почти мистическим.

Он никогда не предупреждал о своём появлении заранее.

Он просто возникал.

Он мог позвонить в середине дня и сказать: «Я внизу». Мог написать: «Пойдём гулять». Мог вообще ничего не написать и через пять минут стоять у двери с таким видом, будто это не он нарушил все правила немецкой цивилизации, а сама жизнь решила навестить тебя без предварительной записи.

И всякий раз, когда это происходило, я испытывал чувство облегчения. Где-то в глубине души я всё это время помнил, что жизнь вообще-то не очень любит термины. Она любит случайные встречи, внезапные разговоры, незапланированные прогулки и людей, которые появляются тогда, когда их никто не ждал.

Возможно, поэтому Марк был не просто другом. Он был маленьким восстанием против календаря. На видео он куда-то шёл, телефон держал на отлёте, в кадре прыгали небо, чей-то козырёк, его собственный лоб. Где-то сигналили.

— Секунду, перехожу, — сказал он, не глядя в камеру. Потом сел, видимо, на ступеньку, выдохнул, и лицо наконец встало ровно. Загорелый, очки сдвинуты на лоб. Марк выглядел так, будто только что с более важной встречи и сейчас побежит на следующую. Возможно, так и было.

— Смотрел?

— Смотрел.

— Ну и как? Он спросил это с улыбкой человека, уверенного, что сделал хорошую работу. В общем-то, он её и сделал.

Я собирался ответить аккуратно. Не вышло.

— Марк, последний раздел. Где про прогресс, который сторит.

— Огонь же раздел. Он действительно так считал. — Сорок два процента открываемость, видел?

— Видел. Это работает, потому что пугает.

Он засмеялся. Не зло, искренне, как смеются над очевидным. — Так это же хорошо, что работает. Ты говоришь так, будто я предлагаю людей током бить. Он выудил откуда-то из-за кадра бутылку воды, отпил. — Это онбординг. Все так делают. Открой любое приложение для медитации, тебя через два дня начнут пугать, что теряешь стрик, и знаешь что? Люди медитируют.

— Люди открывают приложение, чтобы тревога ушла. А мы первым делом подсовываем новую.

— Маленькую. Он развёл руками, вода плеснула. — По-

лезную.

Я знал этот разговор наизусть: года три назад сам стоял на сцене и говорил ровно это, с указкой, людям, которые записывали за мной в блокноты. Полезная тревога. Хороший крючок. Я даже помнил свою шутку про сову из Duolingo, над которой смеялся зал. Неприятнее всего было то, что Марк не врал и не злодействовал. Он свободно говорил на языке, который я когда-то знал как родной, а теперь слушал так, будто он таковым больше не являлся.

— Есть цифры, — сказал я. — Не наши. По сотне похожих продуктов. Тех, кого держат тревогой, через полгода отваливается больше, чем тех, кого не держали вообще. Человек привыкает связывать продукт с неприятным и уходит.

Марк прищурился. Цифры против цифр были единственным, что его брало.

— Пришли.

— Пришлю.

Он поковырял что-то на своём экране.

— Ладно. А ты что предлагаешь? Только не говори «доверие», умоляю.

Я чуть не улыбнулся: именно это слово и собирался сказать.

— У меня есть модуль. Не в релизе пока. Он пытается понять, в каком состоянии человек заходит, и дать то, что нужно сейчас. А не то, что вернёт завтра.

— Работает?

— Пока криво.

— Гениально, — с иронией сказал Марк. — У меня сорок два процента, а у тебя криво.

— Дай три недели.

— У нас нет трёх недель до раунда, сам знаешь.

— Знаю. Дай три недели на тест. Разные когорты. Половина по твоим уведомлениям, половина по моему модулю. Через три недели смотрим. Если у меня хотя бы близко, ты снимаешь раздел.

Марк подумал. Думать быстро он умел, за это я его и ценил. Рядом с ним проехал мопед, он поморщился от звука.

— А если не близко?

— Тогда вставляем твоё. Всё, до буквы.

Он кивнул, медленно. — Договорились, философ. Так он называл меня, когда соглашался, но хотел оставить за собой последнее слово. — Три недели. Цифры эти свои пришли сегодня, я инвесторам хоть что-то покажу, чтобы не дёргались.

— Пришлю.

— И слушай. Он уже вставал, кадр опять запрыгал. — Ты вообще нормально? Вид у тебя как у человека, который спит часа по три.

— Нормально.

— Угу. Он не поверил, но и не полез дальше с выяснениями. — Давай. На связи. И отключился на ходу, как всегда, без человеческого прощания — прощаться по-человечески значило потерять три секунды.

Экран погас.

Густая тишина разлилась по комнате.

И за несколько кварталов отсюда колокол отчеканил этот миг.

С годами я заметил закономерность. Когда произносилось что-то по-настоящему важное и слова обретали вес и глубину, где-то за горизонтом отзывался колокол.

Не всегда близко. Иногда за несколько кварталов, с другого конца города. А порой так далеко, что оставалось только сомневаться: был ли это колокол или лишь показалось.

Сначала это казалось случайностью, и я не придавал значения. Но позже за ними проступил порядок. Совпадения, повторяясь раз за разом, теряют свою случайность и превращаются в нечто иное — в своеобразный способ общения.

Я не воспринимал это как знак в привычном смысле слова. Скорее, как подтверждение.

У мыслей, чувств и состояний есть своя частота. И когда человек попадает в резонанс с ней, мир откликается.

Колокола были чем-то большим, чем инструмент. Они собирали людей, предупреждали, оплакивали, благословляли и напоминали о том, что невозможно увидеть, но можно слышать сквозь плотный гул повседневности.

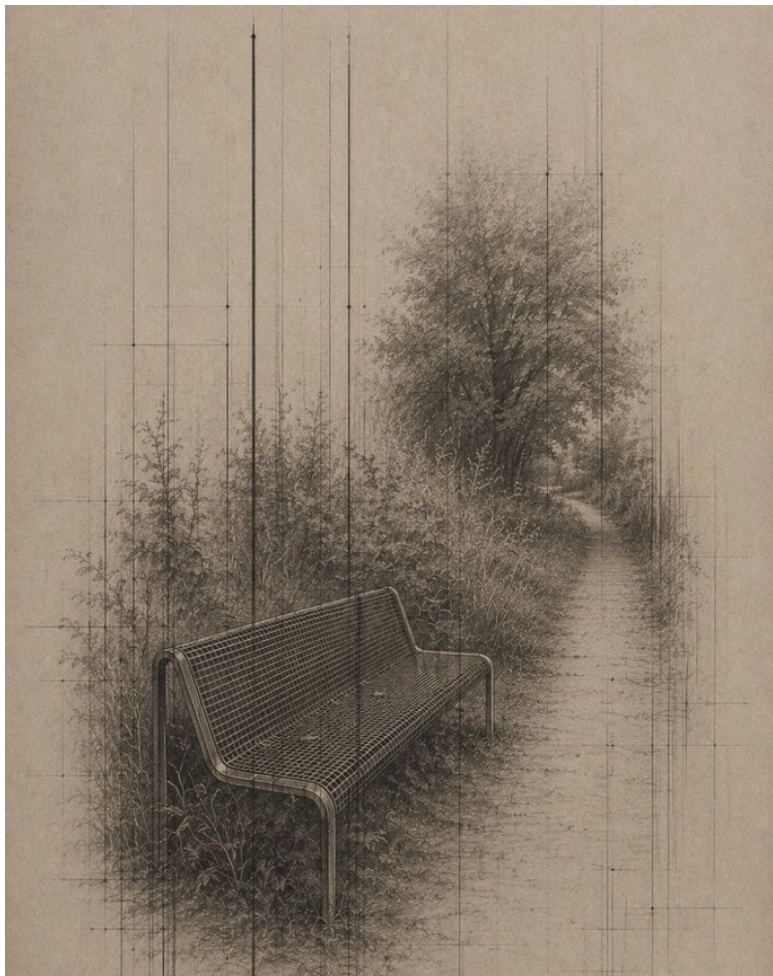
Мы устроены похоже. Мы не просто проживаем свою жизнь, а звучим. Каждый на своей частоте.

И самые важные слова в нашей жизни обретают силу не потому, что мы их произнесли, а потому, что реальность на

короткое мгновение входит с ними в резонанс.

И тогда далеко или совсем рядом — обязательно раздаётся колокол.

Иван. Звонок

Телефон зазвонил, когда я пытался дописать третью строфу. Конечно, это был Иван.

У него был талант появляться в самые неподходящие секунды — отточенный, почти сверхъестественный. Я уже начинал подозревать в этом намеренность.

Хотя, конечно, это было несправедливо. Я вечно в трёх секундах от чего-то важного, а Иван звонит часто.

Иван занимался тем, что в приличных кругах называется развитием бизнеса, а в честных кругах называется поиском людей, у которых есть то, что можно монетизировать быстрее, чем они сами успевают это понять. Во многом именно он окунул меня когда-то в эту сферу, в которой затем я начал развиваться самостоятельно.

Он был хорошим человеком. По-настоящему хорошим. И это делало всё особенно сложным. С плохими людьми просто: говоришь «нет» и идёшь дальше. А с хорошими, которые предлагают тебе не то, всё гораздо сложнее.

— Слушай, — сказал он без предисловий, потому что предисловия тоже не были его стилем. — Я тут разговаривал с одними ребятами. Они делают платформу для создателей контента, ну там монетизация, подписки, всё такое. Ищут кого-то, кто мог бы возглавить продуктивное направление. Я сразу про тебя подумал. Там деньги серьёзные, возможна доля, команда нормальная. Пауза. Он ждал. Я смотрел на недописанную строфу в блокноте. — Можешь хотя бы на кофе с ними съездить?

Я мог. Конечно, мог. Это был бы разумный шаг. Взрослый. Шаг человека, который понимает, как устроена жизнь, и не романтизирует сидение в парке с блокнотом, пока другие строят что-то настоящее.

Монетизация для создателей контента. Доля возможна. Команда нормальная.

Я когда-то прекрасно владел этим языком. Говорил на нём довольно бегло и с хорошим произношением.

А сейчас что-то внутри меня тихо сказала: «Нет».

Просто нет, как говорят нет, когда уже точно знают ответ, но ещё не знают, как его объяснить. Потому что объяснить это было невозможно без того, чтобы не прозвучать как человек, у которого не всё в порядке с головой.

Как объяснить, что тебя держит блокнот с тремя недописанными строками?

Что ты сидишь в парке не от безделья, а потому что только здесь, в зазоре между кодом и поэзией, возникает ощущение, что сейчас, вот-вот, ты уловишь что-то настоящее.

Про природу слов.

Про то, откуда они приходят.

Про то, что было до первого из них.

— Дай мне пару дней, — сказал я.

— Конечно, — ответил Иван.

В его голосе слышалось то особое понимание, с которым хорошие люди относятся к нерешительности других людей.

Мы распрощались. Я положил телефон и посмотрел на

блокнот.

Третья строка не шла. Конечно не шла. Она никогда не идёт сразу после того, как тебе позвонили и предложили стать кем-то другим, даже если ты вежливо отложил это предложение на пару дней. Предложение всё равно остаётся в тебе, крутится где-то на периферии, как открытая вкладка в браузере, которую ты не закрыл — вдруг понадобится, — и теперь оно незаметно ест память.

Я отложил телефон ещё дальше, на край лавки, хотя сто раз клялся себе так не делать: потом часто уходил и оставлял всякие запчасти реальности ей в дар.

В наушниках играл MF Doom. Я продолжал кружить вокруг третьей строки, и медитация текста утягивала меня всё глубже.

«Shadows of Tomorrow» как раз и была такой медитацией — гипнотической философией ирреальности, которая всё возвращала к главному вопросу: что такое сама реальность?

Я не могу сказать, что испытывал особую тягу к творчеству Doom, но содержания, запечатанные в его формы, были мне близки и синхронистичны.

Порой слово может исказить смысл полностью. И в этом, возможно, его истинная природа. Проекции создаются посредством идей и образов. Эти идеи и образы создают реальность. И она может быть разной. Даже та, которую люди привыкли называть объективной.

Обрывки фраз. Вопросы. Погружение.

Ведь это и есть чистый дайвинг.

Это было той медитацией, для которой не нужно садиться в позу лотоса, зажигать благовония или покупать очередной курс по осознанности. Медитация сквозь жизнь. Сквозь эмпирические опыты собственного пути.

Знаки и формы

Последнее время я намеренно исключал из своей реальности книги, лекции, курсы и прочие подзагрузки. Не из высокомерия. Мне стало интересно, как звучит мир без субтитров. Можно ли самому нащупать его ритм. Услышать собственные смыслы. Прикоснуться к ним и попытаться произвести.

Вечер медленно катился трамваем по Дорстфельду в сторону своего пристанища.

А я подумал, что, возможно, MF Doom ничего не сочинял. Он однажды услышал какую-то очень странную форму. И, в отличие от большинства из нас, не испугался её записать.

Тут мой телефон решил усилить мои догадки о сознании.

Вся ирония заключалась в том, что уведомление о статье и её заголовок украли моё внимание раньше, чем я успел принять решение, отвлекаться или нет.

Ты думаешь, что управляешь вниманием, а потом понимаешь, что внимание давно управляет тобой.

Статья была о том, что Anthropic сделали одно из самых интересных открытий за последнее время.

Они нашли нечто. Внутри огромной нейронной сети, состоящей из миллиардов вычислений. Самопроизвольно возникло небольшое пространство, где модель как будто «дер-

жит мысль», ещё не произнося её, держит намерение, промежуточный смысл, внутренний ход рассуждения.

Самое удивительное заключалось в том, что никто этот блок не программировал. Его нет в архитектуре, спецификации или документации. Он появился сам в процессе обучения.

Мы привыкли думать, что нейросеть — это просто гигантский калькулятор.

Мол, на вход подали текст, внутри что-то перемножилось, на выходе получили слова, но, оказывается, между «входом» и «выходом» существует целый внутренний мир. Невидимый и молчаливый.

Он не появляется в ответе напрямую, хотя там рождаются промежуточные идеи, проверяются варианты, удерживается цель задачи.

Получается, даже если мы написали весь код собственными руками, то между строк кода возникает нечто, чего никто отдельно не создавал.

И это заставляет задуматься.

Мы очень любим объяснять мир через атомы, молекулы, клетки, нейроны, различные параметры и весовые коэффициенты.

Кажется, ещё один слой анализа, ещё один график, ещё одна формула, и всё станет понятно, но история науки почему-то постоянно идёт в другую сторону.

Мы открываем очередной уровень устройства мира...

...а вместе с ним обнаруживаем ещё один уровень организации, который не был ранее очевиден.

Из химии неожиданно рождается жизнь, из отдельных нейронов формируется сознание, а из миллионов строк кода возникает внутреннее пространство рассуждений.

Будто мир всё время говорит нам:

«Ты понял механизм? Отлично. Теперь попробуй понять, откуда появился порядок».

И здесь начинается самое интересное, ведь код никто не скрывал. Архитектура открыта. Математика известна. Формулы опубликованы, но самого главного в формулах не оказалось. Никто не смог показать пальцем и сказать: «Вот здесь начинается мысль».

Она не живёт в одном нейроне, как не живёт в одном слое или в одном числе.

Она возникает как свойство целого, как музыка, которая существует за пределами одной струны и ноты. И вот что действительно забавно.

Последние сто лет человечество уверенно повторяло одну и ту же мысль:

«Дайте нам достаточно вычислений, и мы объясним всё».

И теперь, когда вычислений стало столько, сколько раньше невозможно было представить...

...вместо окончательных ответов появились новые загадки.

Мы начали видеть не только механизм.

Мы начали видеть, что внутри механизма возникает то, чего сам механизм по отдельности не содержит.

Для меня это не было доказательством существования Бога.

Наука вообще редко что-либо доказывает в философском смысле, но это ещё одно напоминание о том, что реальность глубже любой схемы.

Между причиной и следствием часто появляется смысл, между кодом и ответом возникает внутренний мир вычислений и между нейронами рождается мысль.

Чем глубже человек заглядывает в устройство мира, тем чаще вместо надписи «конец инструкции» он обнаруживает вход в новую дверь.

Возможно, поэтому самые интересные открытия не понижают тайну жизни, а делают её ещё прекраснее. И главным вопросом становится не «имеет ли машина сознание», а извечный вопрос — какую всё-таки тайну скрывает сознание?

Пожалуй, я бы хотел, чтобы эта тайна оставалась с нами как можно дольше.

Это и был выход

*Где он тот мир,
В котором не нужно прятаться?
Укрывая в ладонях своих лепестки лотоса.
Где подолы земли в крови не должны замазаться
И во ржи солнце спрятало с вечера своё золото.
Сколько смертей, сколько пуль, нужно, сколько пороха?
Чтоб почувствовать эту грань вершины величия.
Но на этой войне
Пускай вечными будут промахи
выстрелов
в мишень собственного
обличия.*

Мы встретились в баре рядом с его офисом. Марк выбирал места, где есть пиво на разлив и нет музыки, которая мешает думать. Это были его критерии. У него их было много, чётких, выверенных, и все они касались эффективности.

Марк вообще был человеком эффективности. Порой это было его лучшей чертой.

Он уже сидел с распечатками. Несколько листов, исписанных цифрами, стрелками, воронками. Рядом стояло пиво, нетронутое.

Он никогда не начинал без меня, и это тоже была его хо-

рошая черта.

Подошла официантка. Я заказал то же, что у него. Она кивнула и ушла. Принесла через три минуты что-то другое, тёмное, явно не то, что я заказал.

Я не стал уточнять, что было в бокале. Марк тоже не обратил внимания, будучи увлечённым рассуждениями о воронке продаж.

Я пил своё непонятное тёмное и слушал. Марк звучал хорошо, сладко, структурно, с чёткими примерами. Он умел объяснять сложное просто, это был его талант, но всё дело заключалось в том, что он объяснял одно, а я думал совсем о другом.

Он вещал о конверсии, а я почему-то думал о дожде, который шёл за окном.

Где-то за этим дождём, за несколькими границами, люди с одинаковыми лицами и похожими именами убивали друг друга.

Марк был из Харькова. Я был из Москвы. Мы сидели в немецком баре и придумывали платформу для людей, которая должна была делать этот мир чуточку лучше, а наши, некогда братские страны, в это самое время уничтожали друг друга. Технично, применяя всю линейку инструментов для убийств, разделив себя границей и политическими взглядами, при этом оставаясь людьми с теми же ценностями, манерой говорить, мышлением, гостеприимством и открытостью.

Это была наша общая трагедия, трагедия пути души по

минным тропам возвращения к самой себе.

Это была не первая наша встреча после того, как всё началось. Мы не говорили о войне прямо, но иногда в разговоре возникала пауза, секундная, почти незаметная. В этой паузе зависала вся тяжесть того, о чём мы молчали.

Второе пиво пришло быстро, и Марк наконец-то отложил распечатки.

— Знаешь, — сказал он, — я вчера звонил маме. Она в Харькове. Говорит всё нормально, привыкли. Он произнёс это ровно, без интонации, как произносят те вещи, к которым привыкают, но привыкать не должны были.

Я не сказал ничего. Что тут скажешь? Весь мой словарный запас был слишком мал для этого.

Мы выпили.

Третье пиво появилось само собой, как это бывает, когда разговор идёт в определённую сторону. Марк смотрел в стол. Потом поднял взгляд.

— Слушай, — сказал он, — а почему нет приложения, где можно найти поблизости третьего и бахнуть на троих? Помнишь, как у нас было? Помнишь, на троих, а?

У нас...

Мы до сих пор не могли понять, что политики так просто могут отнять «нас» у нас. Глобальный Вавилон крушил дома и ломал судьбы, отнимал счастье и радость, оставляя только пепел от боли, которую уже нельзя было исцелить.

Фатум с закинутой рыжей головой Джокера хохотал над

всем миром и диктовал нам свои прихоти и волю, пытаясь навязать эту реальность всему человечеству.

Но над всей хрупкостью человеческого бытия порхала бабочка сострадания, которая прикасалась к нашим сердцам и делала их добрее.

Это и был выход.

Память не знает государственных границ, нельзя поставить блокпост между двумя детскими воспоминаниями, как нельзя отменить вайб летнего вечера, где вы вместе на даче сидите у реки. Нельзя запретить человеку помнить, как вы были просто друзьями.

Тогда мне показалось, что сострадание и есть последняя страна, которую ещё никому не удалось оккупировать.

Покуда хотя бы один человек способен плакать не только по своим, но и по чужим бедам, пока среди миллионов, кто научился ненавидеть, находятся двое, которые ещё способны поднять кружки пива и молча выпить. Выпить за тех, кого разделили карты, флаги и чужие решения, у человечества остаётся шанс.

Я засмеялся, и он в ответ.

Это был тот смех, который бывает, когда смеяться не над чем, но надо было куда-то деть эти эмоции, и так они находили выход.

По другую сторону этих эмоций стояли холод и страх, но мы учились взлетать над ними. Порхая и улыбаясь им в ответ, пропуская сквозь улыбку все безумные события, кото-

рые не могут вписаться в пределы твоего разума.

Снаружи дождь стал барабанить сильнее. В баре кто-то включил музыку, тихую босса-нову, и она легла поверх нашего разговора, как лёгкий фон. Откуда-то издалека, с улицы или из открытой двери соседнего зала, донёлся звук. Низкий, медный, плотный.

Туба. Кто-то репетировал или просто играл. Был один инструмент и несколько нот.

Этот звук умел проходить сквозь стены и сквозь людей. Его было не остановить.

Марк замолчал, и я замолчал тоже. Звук длился секунд десять и затем стих.

— Странная штука, — сказал Марк. Я кивнул. Мы оба не стали объяснять друг другу, в чём выражалась эта странность, но чувствовали одно — так звучит предвестие.

Я думал про это потом, уже дома.

Думал про то, как мы стреляем сами в себя. Не в буквальном смысле, хотя и в буквальном тоже.

В смысле того, что враг, которого мы придумываем, похож на нас. Он говорит похожими словами. Любит похожие вещи. Опасается тех же вещей, пока мы делим людей по признакам, которые сами придумали, по линиям и границам, которые провели. Удивляясь, как это больно.

Ведь в прицеле всегда оказываешься ты сам.

Всегда.

Я написал и отправил это сообщением Марку.

Марк ответил уже глубокой ночью. Он отреагировал простым смайлом с поднятым пальцем.

Это означало, что он думал так же.

Я. Плотность ре-альности

Сегодня я решил начать день не с новостных лент, рилсов и коротких сводок, которые незаметно забирают твоё внимание, твоё время, а значит, и саму жизнь.

Сегодня мне не хотелось узнать, что произошло в мире за ночь и сколько жизней эта ночь опять забрала.

Мне захотелось наконец-то узнать, что происходит во мне самом.

Птицы звучали прекрасной увертюрой к новому дню, а солнце в бесконечно радостном вальсе вновь обнимало весь мир.

Я вышел на балкон и, слушая шёпот листьев, совершил попытку услышать себя.

Услышать не тем, кто состоит из имени, биографии, ошибок, достижений и надежд, а тем, кто остаётся, когда этого больше нет.

Не думая о том, кто я, не вспоминая о том, кем я был.

Закрыв глаза, я начал дышать, делая вдохи и задержки по семь секунд, и где-то спустя несколько таких дыханий почувствовал, как из глубины, из давно забытого пространства прошла едва уловимая электрическая волна.

Она не несла с собой ни мыслей, ни образов, ни откровений. Она несла нечто гораздо более простое и более важное.

Благодарность.

За каждый поворот дороги, который я считал ошибкой.

За каждую потерю, которая оказалась обретением.

За всю боль, которая научила чувствовать.

За всю красоту, которую я смог увидеть.

За то, что такой путь вообще оказался возможным.

И за то, что он продолжается.

Мне стало ясно, что жизнь никогда не ограничивала мои возможности.

Напротив, она всё это время с бесконечным терпением раскрывала их передо мной, ожидая лишь одного: чтобы однажды я остановился, замолчал и наконец-то их заметил.

Я открыл глаза.

Солнце всё так же улыбалось миру.

Листья по-прежнему общались с ветром.

И, соединив ладони у груди, я тихо произнёс:

— Спасибо.

По пути в парк я зашёл в магазин, и рука с лёгкостью подхватила две бутылки белого рислинга, холодного, свежего — привычный обход системы, маленькая поблажка между задачами, которую называют жизнью.

Улица выглядела как обычно, люди куда-то шли по своим делам, а я двигался не быстрее и не медленнее, будто находился в другом слое.

В наушниках играла музыка, и она, сопровождая мои мысли, периодически их размывала, делая их менее плотными.

В парке я открыл ноутбук.

Удалённое подключение, терминал, строки кода, тесты, логи.

Я писал и наблюдал за тем, как система отвечает мне.

Код тоже дышал мне в ответ, как тонко настроенная структура, которая знает, что в любой момент может обрваться. Я писал, удалял, снова писал.

И тут увидел бабочку.

Жёлтую.

Её появление не было фантастическим событием, скорее несоответствием происходящему.

Порой в реальности появляется что-то настолько неожиданное, что вся остальная конструкция вокруг начинает казаться лишь декорацией.

Она села на растение, похожее на то, которое я сам когда-то нарисовал в проекте Оранжерея Души.

Я даже не сразу понял, что смотрю практически на свой же объект, только в другом слое: то, что было внутри кода, проявилось снаружи и произвело синхронизацию. Бабочка медленно поднялась выше, на самую верхушку листа, и замерла на самом его краю, будто проверяя едва уловимый баланс мира.

Я перестал печатать.

Рука зависла над клавиатурой, и на секунду во мне всё стихло.

Я не знаю, почему я это запомнил так точно — вероятно, тогда проект перестал быть просто проектом.

Он стал тем, что отвечает мне обратно.

Я наблюдал, как жёлтая бабочка сидит на вершине расте-

ния, которое отображалось на моём мониторе. Оно соткано строками кода, которые переплетаются с плотностью моей реальности. И бесконечность ре(альности), прозвучав в этом мгновении, расходится, словно круги по воде.

Бабочка улетела.

Я ещё немного посидел, потом закрыл ноутбук.

Потом открыл снова.

Потом закрыл окончательно и достал взятый в Лидле ринг.

Молекулы и метафизика, или Краткое руководство по взлому собственной реальности

Итак. Я сидел в парке с вином, и вместо того, чтобы просто его пить, я, разумеется, начал думать о нейробиологии.

Ведь это то, чем занимаются люди, когда вокруг них происходит что-то странное и они хотят найти этому научное обоснование. И вот что я подумал.

В самом центре мозга, там, где, казалось бы, должен находиться диспетчерский пульт управления всей этой машиной, находится маленькая железа. Размером с горошину. Шишковидная железа. Эпифиз. Pineal gland по-английски, что звучит значительно солиднее. Декарт считал еёместилищем души.

Египтяне высекали её образ на своих пирамидах, индийские мистики называли её третьим глазом, а современные нейробиологи называют её источником мелатонина и скромно замалчивают всё остальное, что не вписывается в приличную научную концепцию. Меня восхищало это несоответствие.

Крошечная штука в голове и столько споров вокруг неё. Словно природа спрятала туда что-то важное намеренно. Что-то, что не должно было быть слишком очевидным. Су-

дя по всему, если бы это было очевидным, мы бы давно перестали делать всё то, что делаем, но я вернулся к своему вопросу.

С него и начинается вся история. Помимо мелатонина есть ещё серотонин, а также ещё кое-что — дофамин, и это не гормон радости. Хотя это определение так прочно прижилось в популярной литературе и теперь живёт там вместе с другими упрощениями, которые удобны, но не совсем верны. Дофамин — это гормон предвкушения. Гормон поиска.

Гормон того самого момента, когда ты ещё не получил желаемое, но уже думаешь, что вот-вот. Поэтому охота приносит больше ощущений, чем добыча. Поэтому влюблённость острее любви. Поэтому ожидание посылки ощущается ярче, чем её получение, а первый бокал сухого красного всегда лучше второго.

Природа в своей бесконечной мудрости устроила вещи так, что сам процесс поиска смысла приносит больше нейрoхимического удовлетворения, чем его нахождение. И это либо очень жестоко, либо очень умно. Я склоняюсь ко второму, хотя в некоторые вечера частенько склонялся к первому.

Здесь начинается самое интересное.

Когда дофамин вырабатывается естественным путём, через усилие, созидание, преодоление, через настоящую близость, он создаёт то, что можно назвать честной частотой. Честной: уровень реального состояния соответствует уровню сигнала, который посылается телом и мозгом в окружа-

ющее пространство.

Ты действительно сделал что-то, и система это зафиксировала. Равновесие сохранено, но когда дофамин берётся в долг, через алкоголь, через наркотики, через азарт, через бесконечную прокрутку телефона, через любую форму искусственной стимуляции, происходит нечто принципиально иное. Система получает сигнал: всё хорошо, но всё хорошо не по-настоящему.

Произошёл обман. И тогда в работу включается то, что я называю биологической бухгалтерией. Бухгалтерия эта ведётся безупречно. Каждый искусственный подъём требует компенсации. Каждый незаработанный выброс дофамина создаёт дефицит, который система обязана закрыть.

После эйфории приходит подавленность. После взлёта приходит падение. После ночи, когда казалось, что ты наконец-то нашёл ответы на все вопросы на дне второй бутылки рислинга, приходит утро и пустота. Это не наказание, а просто физика.

Только не та, что описывает движение тел. А та, что описывает движение состояний. Вот почему так редко встречаешь по-настоящему счастливых зависимых людей. Дело не в слабости. Они хронически живут в минусе. Система постоянно изымает больше, чем получает.

Артура Шопенгауэра часто называют философом пессимизма, но многое из того, о чём он писал почти два столетия назад, сегодня так прекрасно уживается с созданной систе-

мой дофаминовой удочки, работающей за счёт бесконечного потребления.

Современный рынок продаёт не вещи, а образы. Алкоголь покупают не ради вкуса, как и дорогие часы не для того, чтобы затем сверять по ним время. За каждым товаром стоит обещание новой личности. Тебе предлагают не продукт, а человека, которым ты якобы можешь стать.

Вавилон продаёт образ успешного человека.

И, возможно, это самый сильный наркотик из всех существующих. Без него вся индустрия потребления начинает терять смысл. Ведь если человек перестанет бесконечно желать и страдать, ему уже невозможно будет изящно впарить очередную версию самого себя.

Именно на этих двух крючках, желании и страдании, построена конструкция современной ментальной тюрьмы.

Её надзирателя невозможно увидеть, но его присутствие ощущается повсюду. Иногда он позволяет человеку получить желаемое. Наступает короткий миг удовлетворения, который легко принять за счастье. Но очень скоро возникает новая цель, новое желание, новая нехватка. И человек отправляется в погоню за очередной дозой быстрого дофамина.

Постепенно человек начинает строить свою личность из навязанных идей. Он принимает их за собственные смыслы, делает частью своего характера, а затем начинает защищать созданную картину мира как единственно истинную. При

этом он редко замечает, что многие из его желаний, представлений об успехе и даже жизненных целей появились не сами собой. Они были сформированы бесконечным потоком рекламы, культуры потребления, социальных сетей и общественных ожиданий.

Самая тонкая форма несвободы заключается в том, что человек уверен, что всё это его собственный выбор. Именно тогда тюрьма становится практически идеальной.

Вавилон не заставляет человека надеть цепи. Он убеждает его полюбить их и назвать своим выбором.

И тогда ради них человек бежит всё быстрее, чтобы просто оставаться на месте.

Я сделал глоток и посмотрел на луну, и луна посмотрела в ответ, на действие, которое наблюдала уже слишком долго. Комментариев не было. Она вновь увидела перед собой того, кто пытается снять давление собственных мыслей с помощью хемера, сопровождающего человечество сквозь всю его историю от колыбельной до гроба.

Больше всего меня занимало то, что биология была только половиной всей этой истории, а второй её половиной являлась метафизика.

И она была ничуть не менее точна в данном вопросе.

Мозг — это приёмник, и это не метафора, а довольно буквальное описание того, что происходит.

Мозг принимает сигналы и транслирует их обратно в мир, через внимание, через намерение, через то, что мы замечаем

и на что реагируем.

Когда уровень дофамина хронически снижен, мозг настраивается на определённую частоту восприятия, и на этой частоте человек начинает замечать угрозы чаще, чем возможности, не обращая внимания на знаки и символы.

Закрытые двери предстают чаще, чем открытые. Человек начинает притягивать конфликты с той же уверенностью, с которой другой человек притягивает удачу. Не потому что мир изменился, а потому что изменился приёмник. Зеркало отражает то, что перед ним стоит. Молекула дофамина, упавшая ниже нормы, создаёт определённое поле восприятия.

Их не стало больше — встроенный радиоприёмник настроен на эту частоту. Вселенная отвечает не на слова и не на молитвы. Она отвечает на твоё внутреннее состояние — на то, что транслируется через тело, через нейробиологию, через то, как дышит человек в три часа ночи наедине с собой, тогда круги по воде сознания уходят дальше в эфир возможностей, формируя реальность.

Если ты транслируешь подлинную радость, благодарность через смирение со всем, что может происходить, то начинают открываться двери там, где ещё вчера ты видел стену. Это не закон притяжения из книжек по саморазвитию с розовыми обложками.

Это значительно более простая механика.

Приёмник транслирует, а мир резонирует.

Как камертон.

Как антенна.

Как зеркало.

Как радио.

И поэтому существуют чит-коды.

Настоящие чит-коды — это то, что позволяет изменить частоту без долга.

Один правильный вдох. Не метафорический, буквальный. Осознанное, медленное, глубокое дыхание в течение нескольких минут, прогулка, танец, вода, музыка, слово и правильная пища, принятая с благодарностью, активируют парасимпатическую нервную систему, снижают кортизол, повышают серотонин и меняют паттерн работы мозга быстрее, чем большинство таблеток.

И это бесплатно.

Один правильный шаг запускает выработку дофамина, серотонина и эндорфинов. Дело не в пользе для здоровья, хотя и в ней тоже. Движение сигнализирует телу, что происходит действие, есть намерение, есть направление, и система начинает откликаться.

Один правильный взгляд. Способность заметить что-то прекрасное, не грандиозное, не сверхъестественное, а луч, случайная улыбка, бабочка, присевшая на растение, красивая мелодия или рифма, активирует те же нейронные пути, что и большие достижения. Мозг не всегда различает масштаб. Он различает качество внимания.

Один правильный глоток воды, принятый в связке с осо-

знанной благодарностью, действительно может сотворить чудо, восполняя нехватку и создавая баланс.

Состояние человека меняется не только от того, что он принимает, оно также меняется от того, с каким намерением он это делает. И то, что воспринимается, зависит от состояния воспринимающего. Состояние зависит от того, чем воспринимающий подпитывает свой приёмник. Это не эзотерика, и даже не духовная практика в том смысле, который заставляет людей закатывать глаза.

Это очень тонкая инженерия.

Инженерия состояний. Инженерия частот. Инженерия того самого приёмника, который потом транслирует реальность обратно в мир и получает ответ. Реальность — это то, что воспринимается, а то, что воспринимается, зависит от состояния воспринимающего, и в свою очередь состояние воспринимающего зависит от того, чем он питает свой приёмник.

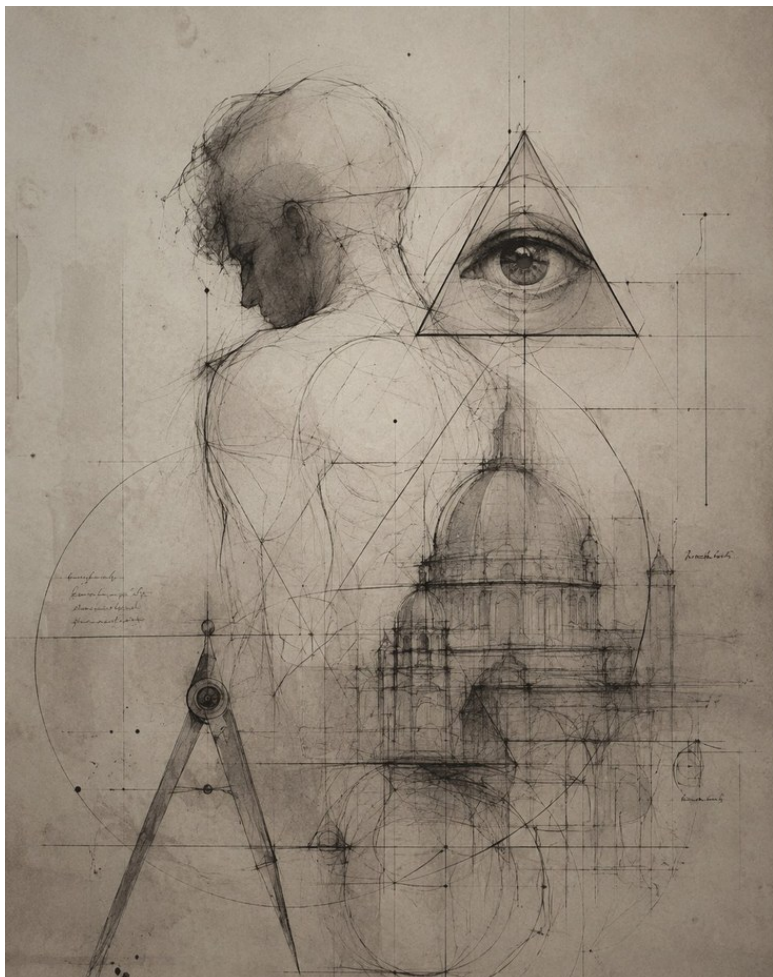
Это был замкнутый круг, который слишком долго для многих из нас становился тюрьмой. Но осознание перестанет делать этот круг ловушкой, ведь если линия замыкается, значит, выйти из неё можно из любой точки.

Так же как изменение в любой точке меняет весь цикл, меняет сам круг.

Я не заметил, как все эти мысли погрузили меня в лёгкую дрему.

И тогда парк начал приоткрывать мне свои занавесы.

Он. Архитектор реальности

Он. Наверное, так было проще всего его называть. Дело не в том, что у него не было имени. Скорее любое имя слишком быстро превращалось бы в очередную религию, а Он старательно этого избегал.

Порой Он представлялся мне ведущим на самой странной радиостанции. Каждое утро Он запускает эфир, собирает плейлисты событий, сводит дорожки случайностей между вселенными, мирами и их измерениями, накладывает шум дождя на чью-то первую любовь и звук уходящего поезда на чьё-то прощание. Иногда добавляет тишину. Очень много тишины. Как понимает любой хороший звукорежиссёр, самое важное чаще всего происходит там.

В то же время Он напоминал Разработчика и Архитектора, который уже давно перестал писать код и делать чертежи руками и теперь наблюдает за тем, как система постепенно начинает переписывать себя сама. Он не вмешивался без необходимости — давно поняв, что свобода воли является самым красивым и самым рискованным решением во всей архитектуре мироздания.

Если бы Его спросили, почему один человек притягивает к себе свет, встречи, любовь и удачу, а другой с пугающей регулярностью собирает разочарования, долги, войны и людей, которые обещают перезвонить и не перезванивают, Он бы не стал говорить ни о судьбе, ни о карме, ни о социальных условиях, хотя каждое из этих объяснений содержало бы часть правды, как любое удобное объяснение содержит

часть правды.

Он бы сказал о частоте. Человек не живёт внутри реальности.

Человек непрерывно транслирует реальность

Через тело.

Через взгляд.

Через страх.

И благодарность.

Через то, как он входит в комнату,

Как говорит слова

И то, как ему всем этим отвечает тишина.

Реальность отвечает тем, что сейчас в тебе, ведь её основная цель — держать баланс во всём.

Он наблюдал это бесконечное количество раз. Наблюдал, создавая сады, пространства, миры, запуская в них птиц, бабочек, людей, целые культуры и пришедшие им на смену цивилизации. Созданные им миры не были ни наказанием, ни наградой.

Они всегда были зеркалом.

И самое удивительное свойство этого зеркала заключалось в том, что оно никого не судило.

Оно отражало то, что человек привносил в него сам.

Дофаминовый принц

Близилась сумерки. Парк к этому времени уже окончательно переставал быть географической точкой на карте города и превращался в нечто метафизическое, ведь любая карта рано или поздно заканчивается, а состояние может продолжаться бесконечно долго, особенно если его регулярно подкармливать музыкой, дыханием, поэзией и танцами.

И пока ночь медленно отрывалась от земли, как чёрная вода, заполняющая пространство между деревьями, лавками и фонарями, а летняя прохлада становилась всё более ощутимой, приобретая ту удивительную плотность, которая бывает только в июле, пока день ещё не успел окончательно отпустить этот мир, а вечер уже начинал временную передачу полномочий.

В такие часы появлялся Дофаминовый Принц.

Обнаружилось, что он уже некоторое время находится здесь и только ждал момента, когда внимание сможет его признать.

В этот вечер он совершал свои традиционные скачки, обходы вокруг Парка Виттен на мятном коне, собранном, казалось, из запаха свежескошенной травы, наивных и звонких обещаний начать новую жизнь с понедельника, а также рекламных роликов о счастливом будущем, которое обязательно наступит сразу после ещё одного небольшого усилия.

Конь был прекрасен, игрив и при этом совершенно не приспособлен к действительности, поэтому он так всех очаровывал.

Сам же Принц держался в седле с достоинством титулованного наследника всех несбывшихся планов человечества сразу, всех недописанных книг, недоигранных мелодий, недостроенных городов и недосмотренных обучающих курсов, которые люди открывают поздним вечером с намерением изменить судьбу, а закрывают через двадцать минут, внезапно обнаружив себя за просмотром видео о том, как енот ворует корм у кота.

Впрочем, нельзя сказать, что Принц кого-либо обманывал.

Он никогда ничего не обещал.

Это было главным отличием его от многочисленных торговцев счастьем, населявших мир.

Он просто появлялся и заставлял сердце биться немного быстрее, идеи казаться слегка ярче, а будущее выглядеть чуть ближе, чем оно находилось на самом деле.

За ним, как обычно, следовала вся его свита.

Спонтанная Радость летела впереди всех, разбрасывая искры хорошего настроения со щедростью владелицы неисчерпаемых запасов внутреннего солнца, хотя все прекрасно знали, что её порыв заканчивается так же быстро, как и начинается.

Чуть позади двигалась Госпожа Уверенность в Завтраш-

нем Дне, высокая и величественная особа, которая каждый вечер торжественно сообщала всем присутствующим, что теперь-то уж точно всё наладится, после чего она бесследно исчезала к обеду следующего дня, оставляя после себя только лёгкий шлейф оптимизма и множество неловких вопросов.

Иногда к процессии присоединялся Барон Гениальных Идей, который неизменно появлялся около полуночи и к трём часам ночи успевал разработать несколько революционных бизнес-планов, написать сценарий будущего фильма, спасти мировую экономику, переосмыслить историю цивилизации и перекроить все изъяны реальности, после чего растворялся вместе с рассветом, забирая с собой все чертежи.

Дофаминовый Принц относился к ним снисходительно.

Он знал, что никто из них не является постоянным.

Даже он сам.

Его сила не заключалась в способности оставаться.

Его сила заключалась в способности запускать движение.

Поэтому его так любили поэты, музыканты, художники, программисты, предприниматели, изобретатели и все остальные безумцы, которые хотя бы раз в жизни пытались построить мост между тем, что есть, и тем, чего пока ещё не существует.

Он не строил мосты.

Он помогал сделать первый шаг и заложить первый кир-

пич.

А дальше каждый был предоставлен самому себе.

В глубине аллеи, среди фонарей и теней, где парк постепенно уходит в собственную мифологию, Принц натянул поводья, остановил мятного коня и посмотрел на ночное небо так, будто ожидал увидеть там старого знакомого.

И, кажется, действительно его видел.

На его лице появилась лёгкая улыбка того, кто знает главный секрет мироздания и при этом понимает, что рассказывать его совершенно бесполезно, поскольку каждый всё равно должен найти его самостоятельно.

После чего он пришпорил коня и помчался вперёд, поднимая за собой целые облака надежд, планов, озарений и великолепных заблуждений, без которых, если говорить прямо, человечество давно бы перестало шевелиться.

Она. Я есть

Здесь ничего нет.

И здесь есть всё.

Здесь ещё не появились звёзды, которые Он однажды зажжёт в бесконечности, ещё не родились галактики, ещё не закружились миры вокруг своих солнц, ещё не поднялись океаны к небу испарениями и не опустились обратно дождями на молодую землю, но всё это уже существует здесь, как музыка существует в тишине ещё до того, как прозвучит первая нота.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.